

Чэн Фэнтай тоже чувствовал возбуждение. В момент, когда Шан Сижуй достиг пика, он ускорил движения, сжавшись внутри, наклонился и прикусил ему грудь, тяжело дыша, со смехом произнёс:

— Я думал... господин Шан будет стонать нараспев, как на сцене...

Шан Сижуй лежал на спине, не говоря ни слова, не боясь, что струящаяся вода попадёт в нос. Спустя долгое время он опустил голову, сжал губы, взял лицо Чэн Фэнтая в ладони и пристально посмотрел на него, словно собираясь сказать нечто чрезвычайно важное или поцеловать.

Чэн Фэнтай был слишком увлечён процессом, чтобы обращать на это внимание. Схватив запястье Шан Сижую, он укусил его:

— Господин Шан, погоди, дай мне ещё немного...

Шан Сижуй медленно приблизил своё лицо к лицу Чэн Фэнтая, вдруг надул щёки и выплюнул ему в лицо струю горячей воды. Чэн Фэнтай не смог сдержать смеха, и, рассмеявшись, потерял контроль. Его член дёрнулся несколько раз, и он, не успев вытащить, обдал Шан Сижую мутной жидкостью.

Чэн Фэнтай разозлился, шлёпая его по заднице и покусывая:

— Сколько тебе лет? А? Господин Шан, сколько тебе лет? Такой взрослый господин, а ведёшь себя как ребёнок! Ты совсем распустился, чего ты вообще добиваешься?

Шан Сижуй, крича, уворачивался, поднимая брызги:

— Хотел обрызгать тебя!

— В следующий раз ещё посмеешь?

Шан Сижуй поперхнулся водой и закашлялся. Чэн Фэнтай наконец отпустил его и помог сесть. Но тот оказался совершенно неисправимым, вырвавшись, упрямо заявил, высовывая язык:

— В следующий раз обмочу тебя с ног до головы!

Чэн Фэнтай фыркнул:

— С ног до головы или только лицо? С такой дикцией ты ещё и поёшь!

Шан Сижуй заорал:

— Лицо! Лицо! Лицо!

Это было проявлением его детской наивности и простодушия. В тот момент, когда он это говорил, его достоинство мягко лежало на бедре Чэн Фэнтая. Тот с удивлением спросил:

— О? Столько, чтобы обмочить лицо? Дай-ка я попробую выжать.

С этими словами он посадил Шан Сижую на край ванны, раздвинул ему ноги. Шан Сижуй отбивался, но Чэн Фэнтай одной рукой схватил оба его запястья, а другой ухватился за тот самый предмет, начав его мять и тереть, стоя на коленях в ванне. Прошлой ночью Шан Сижуй уже излился в его руках не менее четырёх раз, плюс только что, и теперь уже не мог подняться. После долгих манипуляций он полувозбуждённо выдавил несколько прозрачных капель, а сам Шан Сижуй в это время увидел перед глазами звёздочки, руки и ноги похолодели, и он с глухим стуком рухнул на Чэн Фэнтая, слабо постанывая.

— Ещё будешь мочиться?

Шан Сижуй, покрутившись, не ответил. Хоть он и считал, что у него больше сил, чем у Чэн Фэнтая, в этом деле он явно проигрывал в выносливости. Чэн Фэнтай начал беспокоиться, не перестарался ли он, не навредил ли его здоровью. Обняв его, он включил горячую воду, помыл его с головы до ног, закутал в большое полотенце и вынес из ванной. Ещё не положив на кровать, он услышал:

— Смени простыню!

Чэн Фэнтай сказал:

— Почему дома ты не такой чистюля? Ты даже простынёй сморкался.

Шан Сижуй зевнул:

— Своё — не противно, а чужое — всегда противно.

Чэн Фэнтаю пришлось позвать Матушку Чжао, чтобы сменить постельное бельё. На этот раз у той уже был готов план, она пришла подготовленной, даже глазом не повела на этих двух «псов», лишь опустив голову, занялась работой. По цвету одежды, в которой пришёл Шан Сижуй, она предположила, что мальчику, наверное, больше нравятся холодные тона, и постелила простыню дымчато-синего цвета, сменив также пододеяльник и наволочки, заодно задернув шторы. В конце не выдержала и, пожалев хорошенького, симпатичного мальчика, который, того и гляди, будет замучен до полусмерти, тихо спросила:

— Господин, вызвать доктора или принести горячего молока?

Чэн Фэнтай швырнул Шан Сижую на кровать, тот голый кувыркнулся и закутался в одеяло. Чэн Фэнтай посмотрел на время — было почти шесть — и сказал:

— Ничего не нужно. Приготовь ужин и оставь на плите, мы поедем неизвестно когда.

Шан Сижуй уже тихо захрапел под одеялом. Чэн Фэнтай добавил:

— Сделай пару сладких закусок, медовые шарики или что-нибудь в этом роде.

Матушка Чжао согласилась и ушла. Чэн Фэнтай, обнимая голого Шан Сижую, вспомнил, как в шестнадцать лет вернулся из поездки за товарами за Великую стену, и Вторая госпожа родила ему старшего молодого господина. Летом ребёнок лежал голенький в колыбели, Чэн Фэнтай взял сына на руки, покачал — тёплый, голенький комочек, совсем как сейчас. Он подумал: «Ну вот, дома трое детей, которыми я не занимаюсь, а здесь проявляю отцовскую любовь». Его пальцы нащупали между ягодицами Шан Сижую слегка припухший вход и, прильнув к его уху, он спросил:

— Не больно? Мазью помазать?

Шан Сижуй продолжал храпеть, шлёпнув Чэн Фэнтая по лицу.

Чэн Фэнтай убрал его лапу со своего лица:

— Ладно, спи, спи.

Спали они долго, посреди ночи проснулись, съели пару закусок, попили воды и снова заснули до десяти с лишним утра следующего дня. Долгий сон после сильной усталости давал ощущение, будто заново родился. Они немного понежились, и Шан Сижуй, положив голову на живот Чэн Фэнтая, снова, по-прежнему голышом, затянул несколько оперных арий. То он был Чжу Хоучжао, то Ли Фэнцзе, переход между мужским и женским голосом был безупречным, совершенно невозможно было понять, что это один человек. Дойдя до партии Чжу Хоучжао, он начал щупать Чэн Фэнтая, трогая его лицо и талию, вёл себя крайне легкомысленно и, изменив текст арии, пропел:

— На ложе его подразню, посмотрю, как он заведётся.

Чэн Фэнтай слышал эту оперу раз, наверное, десятки, и подумал: «Вроде не эти слова?» Но сразу же понял, схватил его непослушные лапки и, фальшивя, подхватил:

— Шан-лан поступает бесстыдно, не стоит дразнить нас, хороших людей.

Шан Сижуй вновь обрёл единомышленника, моментально обрадовался, перестал петь и с криком, обняв одеяло, начал кататься по кровати. Но западная кровать, в отличие от привычной ему китайской кровати-алькова, была открыта со всех сторон, и, сделав пару оборотов, он вместе с одеялом с грохотом свалился на пол, приземлившись лицом.

Теперь пришла очередь смеяться Чэн Фэнтаю. Он поднял его на кровать и сказал:

— Ну что, ещё будешь баловаться?

Шан Сижуй, сокрушённо потирая лицо, больше не посмел шалить.

Чэн Фэнтай спросил:

— Скажи, что у тебя против оперного текста, что ты так легко его меняешь? Если бы ты на сцене вдруг поменял, как бы другие актёры справились?

Он сделал паузу:

— Не у всех такая быстрая реакция, как у твоего второго господина.

Шан Сижуй сказал:

— Смотря по человеку! С плохими лицедеями я не рискую, поменяешь — не успеют, и вся опера на том и закончится. С обычными лицедеями, перед выходом на сцену обсудишь с партнёром, если получится хорошо, ещё и награду можно получить.

Чэн Фэнтай ехидно заметил:

— А у тебя бывает, чтобы получалось хорошо?

Шан Сижуй ударил его:

— У меня получается очень хорошо! В семи случаях из десяти это приносит награду!

Остальные три раза были экспериментальными, когда всё шло не так, и его обливали кипятком, но об этом он умолчал.

— А если встретишь хорошего лицедея, сможешь прямо на ходу? Справятся?

— Если встретишь хорошего лицедея, с которым есть взаимопонимание, можно прямо по ходу действия, учитывая время, место, атмосферу и людей, подобрать слова — и будет очень интересно! С моим названным братом, с Цзюланом, с...

Шан Сижуй дёрнул бровью, запнувшись:

— С той.

Чэн Фэнтай кивнул — «та» означала Цзян Мэнпин.

— У нас получалось идеально! Сейчас таких крепких лицедеёв уже мало, приходится заранее договариваться.

Чэн Фэнтай, услышав это, с хитрой улыбкой спросил:

— Господин Шан, скажи, госпожа Юй — хорошая лицедейка?

Шан Сижуй на мгновение задумался, потом, встретившись с Чэн Фэнтаем взглядом, рассмеялся:

— Второй господин! Ты слишком плохой!

С этими словами он, обняв одеяло и обнажив зад, снова от возбуждения начал кататься.

Чэн Фэнтай схватил его в охапку:

— Хватит, хватит, если упадёшь ещё раз, господин Шан, ты и правда потеряешь лицо.

Шан Сижуй, потирая только что ушибленную щёку, действительно был напуган.

Так они провели время, оделись, поели и вышли из дома, ровно через сутки после того, как вчера вошли в этот дом. Шан Сижуй не ожидал, что, понежившись с Чэн Фэнтаем, можно потратить целый день только на принятие ванны, и глубоко ощутил: «В тёплых объятиях любви день поднимается высоко, с этих пор Шан-лан не поёт в театре». Матушка Чжао проводила их до автомобиля и, убедившись, что тот действительно уехал и скрылся из виду, помахала рукой в сторону задней части дома:

— Барышня! Выходи!

<http://bllate.org/book/15435/1368636>